



АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ ТОЛСТЫХ

ЛИКИ ТАЛАНТА
(1953 — 1997)

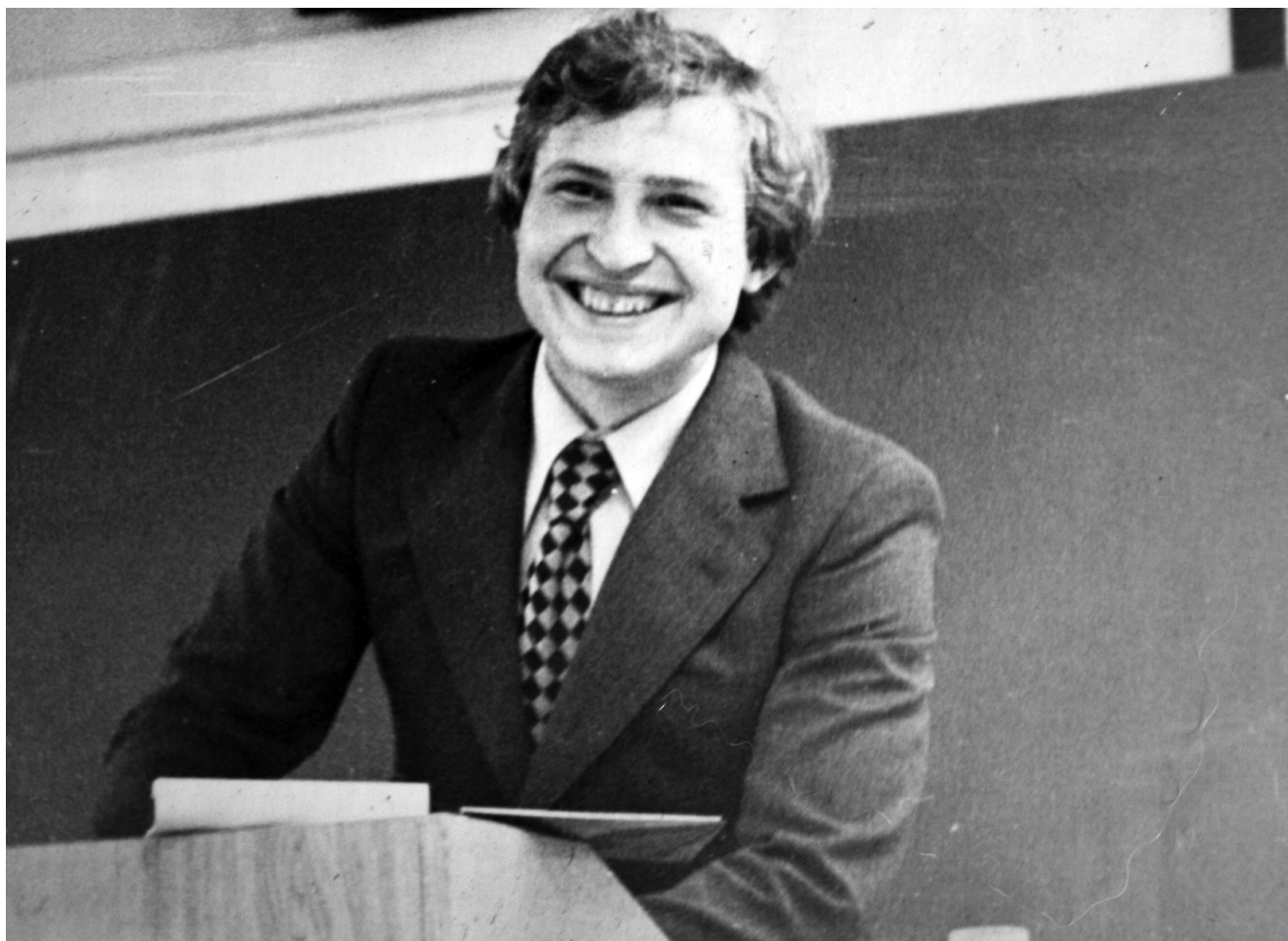
«Лики личности» — так Александр Валентинович хотел назвать свою следующую книгу, которой не суждено было быть написанной. В ночь на 8 марта 1997 года остановилось сердце. Ему было 43 года.

За свою недолгую жизнь в науке он написал много книг, статей, брошюр, которые поражают оригинальностью идей, широтой эрудиции автора, виртуозностью владения языком, новаторским подходом как к традиционным проблемам психологии, так и к анализу новых феноменов жизни человека в стремительно менявшемся обществе конца XX века, феноменов, которые он сумел увидеть и описать.

Александр Валентинович Толстых родился 7 июля 1953 года в г. Николаеве, куда для этого из Одессы, поближе к родителям уехала его мама. Он всю жизнь жалел о том, что любимый город его детства и юности — Одесса — не был указан местом его рождения. И отец, Валентин Иванович Толстых, и мать, Раиса Александровна Максимова, были философами, первый стал профессором, доктором философских наук, вторая — доцентом и кандидатом. Родители матери — Александр Александрович Осадчий и Людмила Федоровна Орлянская — были настоящими украинскими интеллигентами, школьными учителями, в зрелые годы каждый из них руководил лучшими в г. Николаеве гимназиями. Хотя в семье говорили по-русски, литературный украинский язык тоже был по существу родным. Им Александр Валентинович владел свободно. Учился в престижной одес-

ской школе с углубленным изучением украинского и английского языков, но блестящее знание им английского объясняется не столько учебой в спецшколе, сколько фанатичной любовью к The Beatles, песни которых мальчишкой он готов был слушать с утра до вечера, а на двери своей малюсенькой комнаты на даче в Аркадии нарисовал групповой портрет знаменитой четверки. Со слуха переписывал в тетрадку слова их песен и эту тетрадку хранил всю жизнь. Когда в 1990 году как сотрудник Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в составе высокопоставленной делегации Александр Валентинович оказался в США, он поражал «принимающую сторону» не только свободным английским, но и тем, что мог спеть от начала до конца любую песню из репертуара Beatles. Неплохо знал польский, а когда получил предложение поехать от ЮНЭСКО поработать в одну из стран — бывших колоний Португалии, быстро выучил и португальский (не пригодился).

Александр Валентинович обладал несомненной музыкальной одаренностью. Получив в детстве лишь пару уроков музыки, никогда не тренируясь, он свободно играл любую мелодию, даже только что услышанную, на фортепиано, на гитаре (все равно — семи- или шести-струнной), на любой домре, балалайке, флейте или дудке, удивляя этой способностью даже профессиональных музыкантов. В свободную минуту любил сесть к роялю и что-нибудь играть — хорошо думалось. Сочинял и пел



песни на любимые стихи, многие из них были стихами друга его детства — Анатолия Марущака.

Но дать мальчику музыкальное образование в таком музыкальном городе, как Одесса, родные так и не смогли — этому препятствовали другая страсть и другой талант — футбол. Ему отдавалось все свободное время, а когда позволил возраст, Саша был взят в юношескую команду одесского клуба «Черноморец», за которую некоторое время играл, и преданным болельщиком этого клуба навсегда остался. Место в команде — центрфорвард. В беге на длинные дистанции был не силен, но способ-

ность к мгновенному ускорению, умение видеть поле даже затылком и безошибочно выбрать место и направление удара делали его полезным членом любой футбольной команды. В футбол играл всю жизнь, даже потеряв с годами спортивную форму: до самых последних дней утро воскресенья непременно отдавалось дворовому футболу. Не пропускал ни одной трансляции футбольного матча по телевизору, игру видел и понимал во всех деталях, знал всю историю футбола, мог тут же ответить на вопрос, кто, на какой минуте, какой забил гол — и это применительно к любому хоть сколько-нибудь значимому чемпионату.



Думаю, умение видеть поле (пространство) — и в целом, и во всех деталях одновременно, умение слышать время (а это и есть музыкальность) были тем особым даром, теми «протоспособностями» Александра Валентиновича, которые впоследствии проявились и в его научном творчестве.

Окончив школу, поехал в Москву, не имея никаких «полезных» связей, поступать в престижный МГМИМО на факультет журналистики. Количества набранных баллов для этого факультета не хватило, а на предложение учиться на экономическом ответил отказом — не интересно. Вернулся в Одессу, где стал студентом филологического факультета Одесского государственного университета, после окончания которого все же вновь — и уже навсегда — приехал в Москву и поступил в аспирантуру НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО). Все годы изучения филологии и психологии в центре интересов Александра Валентиновича оставалась, вместе с тем, философия, которую он беззаветно любил и в которой прекрасно разбирался. Понятно поэтому, что, оказавшись в Москве, в качестве своих учителей он выбрал Э.В. Ильенкова, Ф.Т. Михайлова и В.В. Давыдова. Именно разрабатывавшийся этими учеными подход к пониманию психики, психологии развития стал магистральным в дальнейших исследованиях и самого А.В. Толстых. В эти годы — 70-е прошлого века — под идейным руководством Э.В. Ильенкова продолжался невиданный в истории эксперимент, связанный с развитием и обучением четверых слепоглухих молодых людей, ставших к тому времени студентами психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. А.В. Толстых много времени проводил с этими молодыми людьми, выучив тот особый язык, на котором они могли общаться, и, естественно, постоянно участвуя в обсуждении загадок развития человеческой психики с умнейшими мыслителями того времени.



В 1979 г. А.В. Толстых в свои 26 лет защитил кандидатскую диссертацию на тему «Личность как предмет возрастной и педагогической психологии», диссертацию теоретическую, что не характерно для кандидатских диссертаций по психологии, но именно такая работа была ему важна как обоснование фундамента и вектора дальнейших научных изысканий. За предстоящие неполные 20 лет жизни в профессии он сменит несколько мест работы, пройдет путь от младшего научного сотрудника до директора академического института, но останется верен



избранному в юности направлению своего научного поиска.

А.В. Толстых начал свою трудовую деятельность в должности младшего научного сотрудника НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР в лаборатории, которой заведовал Ф.Т. Михайлов, ставший на все последующие годы самым близким другом и любимым собеседником Александра Валентиновича. Вспоминая эти годы своего профессионального развития, в предисловии к своей последней, уже посмертно опубликованной книге «Опыт конкретно-исторической психологии личности» А.В. Толстых писал так: «Я горжусь тем, что мое становление как психолога прошло в «Психологическом институте Российской Академии образования, в удивительном коллективе блестящих ученых, собранных в период директорства Анатолия Александровича Смирнова и Василия Васильевича Давыдова. Особой отметкой в судьбе была встреча с Феликсом Трофимовичем Михайловым — моим духовным отцом, который более, чем кто-либо, повлиял на мое становление как ученого, как человека» (2000, с. 19).

Когда лаборатория Ф.Т. Михайлова была закрыта, А.В. Толстых ушел из Института и некоторое время руководил психологической службой МИДа СССР, шокируя тамошних сотрудников бородой и кроссовками, затем в эпоху перестройки работал в возглавляемом тогда Т.И. Заславской Всероссийском центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ), после чего был назначен директором Федерального института социологии образования Министерства образования РФ, и, наконец, в последние годы жизни был директором Исследовательского центра эстетического воспитания РАО.

В 1994 году А.В. Толстых защитил докторскую диссертацию на тему «Формирование и самоопределение личности в исторической динамике поколений», а в следующем, 1995 году в 42 года был избран членом-корреспондентом Российской Академии образования.

Библиография трудов А.В. Толстых помимо тезисов, заметок, статей в самых разных изданиях включает 11 книг: «Человек и возраст» (1977), «После детства» (1982), «Психология юного зрителя» (1986), «Взрослые и дети: парадоксы общения» (1988), «Возрасты жизни» (1988), «До 16 и старше. Заметки психолога» (1988), «Морально-этические проблемы психологической практики» (1988), «Искусство понимать искусство» (1990), «Наедине со всеми: парадоксы общения» (1990), «Подросток в неформальной группе» (1990), «Опыт конкретно-исторической психологии личности» (2000). Уже первая из них была переведена на английский, немецкий, испанский, португальский, финский, чешский и др. языки. Стоит упомянуть и то, что А.В. Толстых явился инициатором перевода, научным редактором и автором предисловия книги Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис», вышедшей на русском языке в 1996 г. и сыгравшей значительную роль в дальнейших исследованиях личности и идентичности в России.

А.В. Толстых блестяще владел трудным стилем научно-популярного изложения научных знаний, в котором написаны многие из его книг. Сам он несколько иронично определял этот жанр так: нечто научно-умное и общественно полезное, популяризируемое для широкой публики. Но к своим книгам «для широкого круга читателей» он относился очень серьезно — это всегда не только «легкое» изложение известных в науке идей, но и личный взгляд на психологические феномены и проблемы, представление собственных, оригинальных мыслей и даже открытий (чего стоит, к примеру, описание и анализ феномена молодежной культуры конца XX века, который он назвал «зрелищное общение!»). кино

Обращают на себя внимание креативность и точность уже самих названий этих книг, а также широта и разнообразие их тематики: от психологии разных возрастов жизни человека и, в частности, психологии отрочества, от проблем

Александр
Валентинович
ТОЛСТЫХ





общения детей и взрослых, роли искусства в процессе развития личности до обсуждения морально-этических вопросов, относящихся к области деятельности практического психолога, его нравственной ответственности.

И все же основной, сквозной проблемой исследований А.В. Толстых, его размышлений на протяжении всей жизни оставалась проблема личности.

А.В. Толстых и сам себя считал, и, несомненно, в действительности являлся представителем московской психологической школы в той ее составляющей, которая продолжала заложенную Л.С. Выготским традицию культурно-исторической психологии. В рамках этой традиции он и начал разрабатывать свою концепцию личности, которая, по моему глубокому убеждению, только ждет своего понимания и достойного признания. Я говорю «начал» именно потому, что он сам так считал, ощущая себя лишь на подступах к разработке проблематики личности и видя грандиозные и одновременно четкие перспективы своей работы. Одной из любимых книг Александра Валентиновича была «Мартовские иды» Торнтон Уайлдера. Но когда я думаю о том, на пороге каких открытий он стоял (мы много об этом говорили), на ум неизменно приходит и другой роман этого писателя — «Мост короля Людовика Святого», в котором речь идет о мучительной попытке понять, почему так происходит, что у человека отнимается жизнь в момент его прозрения.

Исследования и размышления А.В. Толстых о проблеме личности в наиболее полном и, так получилось, итоговом виде содержатся в выше уже упомянутой посмертно опубликованной книге «Опыт конкретно-исторической психологии личности». В предисловии к ней он прямо называет тех ученых, выступления, дискуссии которых он застал в 70-е годы и труды которых легли в основание его разработки этой проблемы: «Алексей Николаевич Леонтьев, Лидия Ильинична Божович, Александр Владимирович Запорожец, Лия

Соломоновна Славина, Даниил Борисович Эльконин, Владимир Петрович Зинченко, Артур Владимирович Петровский — и цвет философской мысли — Мераб Константинович Мамардашвили, Эвальд Васильевич Ильенков, Феликс Трофимович Михайлов, Владимир Соломонович Библер, Георгий Петрович Щедровицкий» (2000, с. 15). Так и хочется повторить слова Г. Олпорта о неофрейдистах — «все они стоят на плечах Фрейда и знают свой долг перед ним». А.В. Толстых знал свой долг перед теми, на чьих плечах стоял.

И все же он по сути дела перевернул многие устоявшиеся и даже общепринятые представления о личности. Книгу, о которой идет речь, сам А.В. Толстых охарактеризовал как постмодернистскую, как бы извиняясь за то, что в нее вошли фрагменты, написанные в разные годы и по разным поводам. Но именно как постмодернистская она интереснее в другом отношении: представленная в ней концепция личности создана на стыке, во взаимопереплетении подходов к пониманию этого явления, наработанных не только в психологии, но и в философии, культурологии, филологии, педагогике, социологии. И во всех этих дисциплинах А.В. Толстых не был дилетантом, а был специалистом и вел свои теоретические и эмпирические изыскания как профессионал. В результате проведенного им семантического и семасиологического анализа он опроверг распространенное и в зарубежной, и в отечественной психологии мнение, что английское слово «personality» (а также однокоренные в ряде других языков) и русское «личность» произошли соответственно от латинского слова «persona» в значении «маска», «роль» актера в древнеримском театре в первом случае и «личина» в значении «маска скомороха» — во втором. А.В. Толстых доказал, что появившееся достаточно поздно (на рубеже XVIII—XIX веков) первоначально во французском языке в близком к современному значении слово «personnalité» произошло в



результате объединения значений двух слов: «persona» (но не в значении «маска», а в значении «юридическое лицо») и «individualité» (в значении индивидуальность, отдельный человек). Происхождение русского слова «личность» имеет иную историю. Само это слово возникает в конце XVII века как отвлеченное существительное к прилагательному «личный» и к началу XIX века имеет всего два значения: нечто, имеющее отношение к лицу, и — значительно более распространенное — колкий отзыв, оскорбление. И лишь в 40-е годы XIX века В.Г. Белинский предложил использовать слово «личность» в значении, приближенном к французскому «personnalité», и это предложение прижилось. В результате, если не учитывать некоторых тонкостей, психологи разных стран сегодня вкладывают в эти слова близкие значения, поскольку они фиксируют один и тот же конкретно-исторический феномен.

Результаты этого исследования послужили одним из важных моментов анализа процесса возникновения и развития феномена личности в истории западноевропейской цивилизации — анализа, проведенного на материале историко-философских и историко-культурологических исследований. Этот анализ дал автору дополнительные основания присоединиться к мнению ученых, связывающих возникновение феномена личности в странах Западной Европы с достаточно поздним этапом их исторического развития (и еще более поздним — в середине XIX века — в России) и объясняющих это явление переходом к капиталистической формации и, соответственно, к новым взаимоотношениям между индивидом и обществом.

Исходя из такого понимания развития человека и общества, А.В. Толстых, опять же вопреки господствовавшему в те годы восторгу и энтузиазму, с которым воспринималась «личность» и все, с ней связанное, приходит к выводу о том, что, как он писал, если относиться к личности вне ее чисто ценностного

понимания, — это «очень скучная штука», представляющая собой не более, чем исторически преходящую форму реализации человеческой сущности в некоторых конкретных условиях. «Личность в своем предельном выражении есть опредмеченность вполне определенного устройства общества, кстати, хронически не приживающегося на отечественной почве — а именно, опредмеченность той единичности, атомарности индивида, которая является естественной составляющей гражданского общества в любом его виде» (там же, с. 17).

В этом контексте абсолютно оригинальным является введенное А.В. Толстых понятие «форма личности», что было заявлено еще в его кандидатской диссертации и развернуто впоследствии в ряде публикаций. Форму личности он рассматривает как особый предмет изучения онтогенеза личности, и этот процесс видится им как последовательное нарастание определенности формы личности.

Рождаясь, человек уже является, по А.В. Толстых, личностью — «чистой личностью», что значит, обладающей неограниченными возможностями развития, дарованными индивиду самой принадлежностью к человеческому роду. Но дальше происходит следующее: «Двигаясь в поле сокращающихся возможностей, обретая определенность (в процессе обособления), индивид фактически отказывается от всего богатства возможных путей своего развития и самоопределения во имя того единственного, который он реализует. Личностное развитие ассоциативно напоминает сравнение нервной системы с воронкой (Шеррингтон), обращенной широким открытым отверстием к миру и узким отверстием к действию. Мир вливается в человека через широкое отверстие воронки тысячею зовов, влечений, раздражений, ничтожная часть их осуществляется и как бы вытекает наружу через узкое отверстие. Оставшаяся, неосуществленная жизнь (мир возможно-



стей) и составляет контур формы личности — тех определений, которые оказались присвоенными индивидом, составив реальное пространство его личностного развития. В процессе формирования и самоопределения форма личности как бы сжимается, оставляя все меньше возможностей для изменения» (2000, с. 126—127).

Используя представление о форме личности, А.В. Толстых в своих работах подробно анализирует особенности процесса развития личности на разных возрастных этапах, подчеркивая, что форма этого процесса, его направление и динамика исторически изменчивы.

Проблема поколений, их конфликта и обращения, асинхронии и синхронизации поколений и т.д. — еще одно направление исследований А.В. Толстых, в рамках которого он не только детально анализирует имеющиеся — собственно в психологии весьма, впрочем, немногочисленные — идеи на этот счет, но и предлагает свой взгляд на проблему — концептуальную модель формирования и самоопределения личности в исторической динамике смены поколений.

Здесь вновь А.В. Толстых высказывает целый ряд совершенно нетривиальных соображений. Так, например, идя наперекор распространенной точке зрения, он доказывает, что так называемые шестидесятники — многими (и в их числе самим А.В. Толстых) уважаемые и, можно даже сказать, любимые наши соотечественники — не стали поколением в том значении этого слова, которое отстаивал в своем подходе А.В. Толстых. Шестидесятники, утверждает он, опираясь на материалы социологических исследований, — несостоявшееся поколение.

Но возвратимся к проблеме формирования личности. Есть ли возможность превозмочь это «проклятие личности» в смысле обреченности на определенность — быть здесь и теперь, быть таким и не иным? Есть ли возможность преодолеть «привязку» чело-

веческой души к месту и времени и расплату за эту определенность в виде бытийной конечности? Такая возможность, по А.В. Толстых, есть — это преодоление формы личности (и личности!) в индивидуальность. «Я далек от признания фатальности и предопределенности личностного развития индивида. — писал он, — Более того, у человека в принципе есть возможность самотрансцендирования, выхода за пределы конечной определенности (формы личности), и эта возможность заключается в процессе индивидуализации, обретения индивидом всеобщих родовых определений в виде опережающего или вновь задаваемого образца» (2000, с. 128—129). И здесь вновь мы видим свой собственный ответ на запутанный дискуссионный вопрос о соотношении понятий личность и индивидуальность.

Именно проблема развития индивидуальности интересовала А.В. Толстых в самые последние годы его жизни. Как возможно это самотрансцендирование за пределы формы личности? Что содействует и что препятствует этому? Когда начинается развитие индивидуальности и какими путями идет? Поиск ответов на эти и аналогичные вопросы объясняет интерес А.В. Толстых к проблемам обучения и воспитания, педагогической психологии, к анализу таких конкретных образовательных технологий, которые не только (не столько) формируют личность, сколько создают условия для развития индивидуальности.

Сам А.В. Толстых, несомненно, был яркой индивидуальностью. Его отличала, помимо сказанного выше, высокая степень когнитивной сложности. Собеседнику было интересно задавать ему вопросы, так как практически невозможно было предугадать ответ — он всегда был не только интересным, содержательным, но и, как правило, неожиданным. Если продолжить использовать психологическую терминологию, можно сказать, что А.В. Толстых был человеком с выраженной надситуативной активностью, с высочайшей



степенью толерантности к неопределенности (он даже любил ситуации со многими возможными вариантами разрешения). Эти характеристики сочетались с надежной (надежнейшей) привязанностью к тому и к тем, кого когда-то полюбил, — принадлежал к высокой касте однолюбов. Любил родителей. Любил единственную жену и долгожданную дочь. Любил в детстве кота Кантика (настоящая «философская» кличка — Кант), а во взрослой жизни свою собаку — риценшнауцера Селивана. У него было не так много близ-

ких друзей, но они были на всю жизнь, и более верного друга, чем Саша, у них не было (знаю, о чем говорю). Полюбив в юности Москву (Одесса, конечно же, оставалась городом, который он видел во сне), потом, поездив по стране и миру, оставался верен этой любви и всегда хотел жить только в этом городе, где, по его ощущению, бьется сердце мира. Московский психолог — Александр Валентинович Толстых.

Н.Н. Толстых